Общественные науки
УДК 94(476):378

«ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» В СТЕНАХ УНИВЕРСИТЕТА: СТАТУТ БГУ 1929 Г

Т.С. Совастюк
Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

Аннотация
На основе архивных материалов анализируется Статут БГУ 1929 г., принятый в «год великого перелома». Документ закрепил превращение университета в «кузницу кадров» для социалистического строительства, ввел классовый принцип отбора студентов, жесткую вертикаль управления и тесную связь с задачами индустриализации. Показана историографическая ценность устава как источника по истории высшего образования в Беларуси и его преемственность с современной государственной моделью подготовки специалистов.
Ключевые слова: БГУ, год великого перелома, советская высшая школа, классовый принцип, вертикаль управления, идеологическая «ковка кадров», историческая преемственность образования

Совастюк Т.С., студент, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

THE "YEAR OF THE GREAT TURN" WITHIN THE UNIVERSITY: THE 1929 STATUTE OF BSU

Abstract
The article examines the 1929 Statute of the Belarusian State University, adopted during the «year of the great turning point». The document transformed the university into a socialist «cadre forge», introduced class-based student selection, a rigid administrative hierarchy, and linked education to industrialisation goals. The statute is highlighted as a valuable historical source on higher education in Belarus, revealing continuities with the present state-driven model of specialist training.
Keywords: BSU, Year of the Great Turning Point, Soviet higher education, class-based principle, administrative hierarchy, ideological «cadre forging», historical continuity of education

Sovastyuk T.S., student, Belarusian State University, Republic of Belarus

Для цитирования
Совастюк Т.С., «Год великого перелома» в стенах университета: Статут БГУ 1929 г. // Молодежь и наука. 2026, Т. 14, №5, С. 30-33.

30 января 1929 года был утвержден новый Статут БГУ [1, л. 77–79]. Этот год был переломным моментом в жизни советского общества, который историки часто называют «год великого перелома». В СССР форсированными темпами проводилась индустриализация. Начиналась коллективизация сельского хозяйства. Для этого требовалось огромное количество новых специалистов: инженеров, агрономов, экономистов, учителей, врачей. Старых кадров, подготовленных ещё в дореволюционный период, не хватало, да и советская власть им не всегда могла доверять. Хотя также стоит отметить и то, что сама имперская интеллектуальная элита не всегда желала идти на сотрудничество [2, с. 2]. В политической жизни произошёл окончательный переход к командно-административной системе. Новая советская власть стремилась продемонстрировать свой абсолютно противоположный взгляд на высшее образование и разрушить сложившийся образ имперского элитного классического университета [3, с. 146]. Со временем советская власть окрепла и хрупкое молчание со

старыми преподавателями рухнуло. Образ имперского классического вуза в первую очередь разрушали внедрением на все должности людей из «низов» в управлении и увеличивая число таких людей в студенческой среде [4, с. 184–185]. Пленумы ЦК ВКП(б) в июле 1928 и ноябре 1929 года поставили задачу коренной перестройки высшей школы: она должна была не просто давать знания, а «ковать» кадры для социалистического строительства и быть идеологически выдержанной [5, с. 6]. Особенностью молодой Белорусской советской республики было то, что она остро нуждалась в национальной интеллигенции и управленцах. Расположение Беларуси западной границе Советского Союза не давало возможности развивать тяжелую промышленность, от чего и потребность в некоторых специалистах не возникала на республиканском уровне, что, однако, не отменяло важности всех специалистов. Белорусский государственный университет, начавший работу в 1921 году [6, с. 16], был фактически главным центром для подготовки специалистов. Принятие нового статута должно было де-юре закрепить подчинение университета задачам пятилетки и классовой политике и подтвердить статус вуза де-факто флагманом в высшем образовании.

В скором времени после изменения устава произошли другие заметные преобразования. В октябре 1929 г. с должности ректора был снят Владимир Иванович Пичета, из-за начала кампании против национал-демократов, и его место занял Язеп Петрович Кораневский, который сам не смог долго продержаться и был снят в 1931 г. [7, с. 29–35]. Значительным показателем, свидетельствующем о повышении контроля за вузами, стало снижение академической мобильность профессорско-преподавательского состава и в меньшей мере студентов [8].

Статут, или же по-другому устав – это основополагающий документ, который определяет все ключевые аспекты жизни университета. Так вот этот документ БГУ 1929 г. соответствует наиболее широкому и классическому пониманию, отвечая на вопросы: для чего существует БГУ, кто может учиться в нем, из каких подразделений состоит, кто и как им руководит.

Автор (в лице государства) преследовал цель не допустить развитие только созданного БГУ в классический университет, а создание исключительно в виде чистого советского высшего учебного заведения, полностью интегрированное в систему социалистического строительства с начала существования. Задача была не просто обучать, а «выращивать сознательных борцов за интересы рабочего класса», жёстко контролируя как социальное происхождение студентов, так и содержание образования (через Народный комиссариат просвещения).

Согласно Статуту Белорусского государственного университета от 30 января 1929 года, структура и деятельность вуза определялись несколькими ключевыми направлениями. Во-первых, устанавливалось, что университет является высшим учебным и научно-исследовательским учреждением, главная цель которого – воспитание сознательных борцов за интересы рабочего класса и строителей социалистической культуры и хозяйства, для чего он готовил как специалистов высшей квалификации для народного хозяйства, так и научных работников. Во-вторых, документ закреплял принципы классового отбора студентов: прием осуществлялся на основе социального и академического отбора с учетом общественной работы, а для обеспечения доступа к образованию выходцам из рабочих и беднейшего крестьянства учреждалась система стипендий, которые в первую очередь назначались выпускникам рабфаков и воспитанникам детдомов. В-третьих, определялась структура университета, включавшая педагогический, медицинский факультеты и факультет права и хозяйства, а также рабфак и секции национальных меньшинств. В-четвертых, устанавливалась жесткая вертикаль управления: университет напрямую подчинялся Наркомпросу БССР, который утверждал учебные планы и назначал ректора из числа кандидатов, выдвинутых

преподавателями, студентами и государственными органами; непосредственное руководство осуществляло Правление во главе с ректором, в компетенцию которого входили административные, дисциплинарные и кадровые вопросы, включая организацию научной работы и ходатайства о присвоении ученых званий [1, л. 77–79].

Также при анализе исторического источника есть необходимость смотреть на доказательную базу автора документа. В случае устава БГУ вся эта база упирается в идеологические постулаты СССР и партии. Отсюда можно вынести, что рассмотрение конкретного документа значительно будет уступать в результативности перед просмотром программ и основополагающих книг тогдашней власти.

Значение устава БГУ и возможное применение знаний о нем может быть довольно широким. Для своего времени это был важный документ, регламентирующий базовое и необходимое для работы вуза. Со временем, уходя в историю, статут стал важным источником по истории высшего образования на территории Беларуси, истории права, а также истории самого Белорусского университета. Знания о жизни учреждения в 1920-е гг. малы и современным исследователям, как устоявшимся (О.А. Яновский, М.Ф. Шумейко, О.И. Ершова и др.), так и молодым, с исторического факультета БГУ постепенно удается закрыть часть вопросов и пролить свет свою альма-матер [9, с. 95–96]. Такой вектор развития виден во многом, например, в публикации сборников документов (как про первого ректора БГУ В.И. Пичету) [10], в анализе воспоминаний об университете [11], вычитке «За ленинских кадров» [12] или в чем-либо другом. И даже такой небольшой и малоизвестный документ почти столетней давности является часть гигантского пласта знаний, которые еще предстоит открыть.

Статут БГУ 1929 года заложил модель образования, которая в своей основе сохраняется и сегодня. В этой системе вуз готовит кадры для государства, а государство обеспечивает социальную поддержку студентов и контролирует образовательный процесс. Подготовка специалистов под нужды экономики (тогда для индустриализации, сейчас по госзаказу), социальные стипендии (тогда для рабочих, а сейчас для льготных категорий) и вертикаль управления с подчинением министерству. Все это показывает актуальность и преемственность основных идей, заложенных еще ранее. Современность отказалась от идеологии «борьбы за интересы рабочего класса» и медленно делает шаги в сторону развития потенциала идеи классического университета, что находит наибольшую поддержку в отельных случаях. И сегодня, ни смотря ни на что, сохраняется главный принцип, который гласит, что университет – это «кузница кадров», работающая на государство и общество.

Библиографический список

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф 7. Оп. 1. Д. 635.

2. *Золотарёв Олег Васильевич.* Интеллигенция Советской России в нэповские годы // Интеллигенция и мир. 2011. №4.

3. *Вахитов Рустем Ринатович.* Автономия и академические свободы в советскоих университетах (1920–50-е) // Университетское управление: практика и анализ. 2024. №1.

4. *Сафронов Петр Александрович*. «Чутко отразить все требования революции»: советский университет в 1920-1930-е годы // Вопросы образования. 2010. №4.

5. *Лапко А. Ф.* “Развитие высшего образования в СССР в период трех первых пятилеток”, УМН, 27:6(168) (1972), 5–23

6. *Абламейко С.В. [и др.]* Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / под общ. ред. С. В. Абламейко, науч. ред. О. А. Яновский. – Минск: БГУ. 2017. 303 с.

7. *Яноўскі А.А., Залескі А.Г.* Гісторыя Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў біяграфіях яго рэктараў / Мн.: БДУ. 2001. 320 с.

8. *Совастюк Т.С.* «Академическая мобильность между университетами БССР и РСФСР в 1920-х гг.» // 82-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, В 3 ч. Ч. 3 / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Блохин (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2025. С. 232 – 236. 332 с.

9. Пічэтаўскія чытанні – 2022: універсітэты і архівы як састаўныя элементы экалогіі культуры: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 30 верас. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2022. С. 94-105.

10. *Неизвестный В.И. Пичета* / сост.: М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская, О. А. Яновский; редкол.: А. Д. Король [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2021. 436 с.

11. *Мосейчук Л.И.* Информативность документов личного происхождения при изучении истории Белорусского государственного университета // Документальное наследие и историческая наука. Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете. Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 79–83.

12. *Савасцюк Ц.С.* Гістарычны факультэт БДУ на старонках газеты "За ленінскія кадры" 1939-1941 гадоў // Память о Великой Победе в современном историческом дискурсе: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Минск: БГУ, 2025. С. 77-82.